

18+

АЛЕКСАНДР ПОНОМАРЕНКО

ЧУЖОЕ МНЕНИЕ

Александр Пономаренко

Чужое мнение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42646955

ISBN 9785449674647

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Тот случай, когда здравый смысл граничит с безумием, логика с бессмысленностью, а между ними находятся самые обычные люди. Книга содержит нецензурную брань.

Чужое мнение

Александр Пономаренко

© Александр Пономаренко, 2021

ISBN 978-5-4496-7464-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Билл

Глава 1

19:55

Пухлые пальцы привычно бегали по пуговицам стандартной рубашки службы охраны. Одна из пуговиц на животе, та, что третья снизу, застегивалась с большим усердием. «Давно пора попросить форму по-больше, – пробормотал про себя мужчина лет сорока, – хорошо, хоть задница в брюки заходит без скрипа. Нужно есть меньше бургеров».

Конечно, Марта всегда дает с собой паек на смену. Заботливая жена, а как же. Всегда казалось, что сделать вид старательной хозяйки для нее важнее, чем действительно быть таковою.

Пухлые пальцы поправили черно-белый бейджик на кармане рубашки с именем «Уильям Груффер». «Уильям, так

меня только Энни из МакДоналдса называет, – мелькнуло в голове у Билла, – для остальных я просто Билли. Черт побери, угораздило моих стариков дать мне такое примитивное имя. Билл! Хуже было бы быть только Джоном».

Билл открыл пакет, который вручила ему жена – жаренная картошка с луком. «Карга знает, что я терпеть не могу чертов лук!», – отработанным за долгое время движением, пакет с пищей отправился в мусорное ведро. Именно поэтому приходится забегать по пути на смену в МакДоналдс за парой бургеров. Ну и конечно Энни. Девушка, которая работает там последние полтора года. Лет 20—22 на вид, с роскошными волосами цвета вороньего крыла. Всегда аккуратно собранные, но, судя по всему, достаточно длинные. Она не была эталоном красоты, но что-то в ней такое было, от чего Биллу хотелось приходить к ней и приходить. За тот короткий миг, что он заказывал свои «Два бургера, пожалуйста, и сырно-чесночный соус», они научились перекидываться короткими фразами и даже перешли на «ты». А главное, для нее он был «Уильям». Кстати да, в клинике для душевно больных, где работал Билл, пончики и кофе выдавались в неограниченных количествах, но это ничего не меняло. Согласитесь, пончик, это далеко не бургер.

Билл посмотрел на часы – 20:00. Пора сменить на посту Криса. Уже поди заждался. Раздевалка находилась сразу за постом охраны, так что они с Крисом уже увиделись и «обменялись» колкими шутками:

– Привет, жиробас, сколько сегодня бургеров? Три? Может четыре? – поинтересовался Крис с ехидной улыбкой.

– Привет, стероидный кусок мяса, – подумал Билл, а в слух лишь произнес «Угу».

«Ненавижу этого самовлюбленного ублюдка», – каждый раз думал Билл, меняя на смене Стивенсона. Крис Стивенсон – нормальные имя и фамилия, не то, что Билл Груффер. Полный отстой. А еще он здоровый, как скала. Вес, конечно, у нас почти одинаковый, около 110 кг, только Крис на голову выше и его вес – это мышцы, а мой – долбаное пузо и задница. Когда-то завяжу с пончиками и фаст-фудом и приведу себя в норму. Эти мысли почти дословно проносились в голове Билла, каждый раз проходя мимо коллеги, а в слух проносилось лишь «Угу» и иногда «Ну да, привет».

Крис был уже готов и собран. Даже переоделся заранее. Это запрещено правилами поликлиники, но он часто плевал на них. Связка ключей от помещений, полученная от Криса, ловко объединена со связкой домашних ключей, быстрый росчерк в журнале охраны и пересменка завершена. Уильям Груффер заступил на пост.

20:05

По должностной инструкции, заступая на смену, следует сразу совершить обход всех палат. Поликлиника не самая большая, но, все же, три крыла четырьмя этажами высотой. В каждом крыле 36 палат, по 12 на этажах со второго по четвертый. На первом этаже расположились медицинские ка-

бинеты, небольшой тренажерный зал, столовая, комната отдыха персонала, кабинет главного врача, доктора Митчела Гранта, и прочие служебные помещения.

Билл хорошо знал правила, предписанные доктором Грантом, и свято их чтит.

Вооружившись компактным электрошокером и баллончиком слезоточивого газа, Билл отправился на стандартный обход. Не то чтобы эти средства защиты были действительно нужны – слишком буйных в этой поликлинике не держали. От того достаточно было лишь одного охранника на смене.

В палатах западного крыла содержались умалишенные старики и, по обычаю своему, Билл начал обход именно с них.

«Удивительно, – думал про себя Билл, – именно стариков у нас больше всего. Подростающие детишки часто пытаются спихнуть своих предков подальше от себя и, если в домах престарелых нужно хорошо платить, то в психушке услуги «тюремщиков» абсолютно бесплатны. Bravo добросовестным налогоплательщикам!

Билл точно знал каждую заселенную палату. Сейчас их было 63. 30 стариковских палат западного крыла, 28 палат с больными среднего возраста в южном крыле и 5 палат с особо тяжкими случаями в крыле восточном.

В это время обход был, по сути, формальностью. Многие старики еще находились в общих залах на первом этаже, беседуя о своих делах с другими пациентами, ну или с сами-

ми собой, что встречалось даже чаще. Нужно лишь пройти каждый этаж, пересчитать стариков, поздороваться с теми, кто поадекватнее и отметить в журнале время и результат обхода.

– Билли! Билли, мальчик мой, – окликнула одна из старушек.

– Мадам Цукерман, – кивнул ей Билл и чуть ускорил шаг. Женщина лет 70 с жидкими седыми волосами не отставала:

– Билли, постой, ты совсем не уважаешь свою мать! – старушка казалась разгневанной, но весь персонал знал, что актриса в прошлом, зациклилась на роли матери из-за провалившегося спектакля. Ее тогда выгнали с треском из труппы. Творческая душа еврейской актрисы не выдержала такого удара и мадам Цукерман пристрастилась к бутылке, а может и еще чего хуже и к 60 годам оказалась в клинике для душевно больных.

Боже мой, – думал Билл, – а ведь она поступила к нам когда я еще стажировался. 10 лет торчу на этой должности, отрастил проклятое пузо и разучился общаться с нормальными людьми. Да что там лгать самому себе, раньше тоже не особо хорошо с людьми ладил. Всему виной жуткая скромность и детские проблемы.

– Мадам Цукерман, ну что Вы? Я просто выполняю свою работу и не хотел Вас как-то обидеть, – пришлось остановиться и ответить старухе.

– Вечно вы, молодые, спешите и забываете про своих стариков.

– Я на работе, мадам...

– Мама! – перебила женщина, – почему ты не называешь меня мамой? Матери родной стесняешься?! Так значит я тебя воспитывала?! – женщина начинала переходить на крик и другие пациенты начали замолкать, поглядывая на развитие событий.

Как же она раздражает, столько лет одно и то же, – думал Билл. Что интересно, только сотрудников охраны она называла сыновьями. Доктор Грант уверен, что связано это с сыном мадам Цукерман. Он был полицейским и носил форму, похожую на нашу. Исключением был только Майк, но он чернокожий и, видимо, разницу в цвете кожи она, все таки, понимала.

– Мама, да, конечно. Простите за невежество своего сына. Закрутился в делах, – пошел на уступки Билл.

– Вот, совсем другое дело, старушка скучала по тебе весь день. Ты же знаешь Крисик, он такой занятой, у него карьера серьезная, бизнес большой. У него совсем нет на меня времени, не то, что у тебя, Билли, мой малыш. Ты же бездельник, мог бы и больше времени уделять любимой матушке.

Глаза Билла медленно начали расширяться. Как этот придурак, эта гора тупых мышц, смогла так одурачить Цукерман. Коллеги считают меня неудачником, жена и, черт побери, теперь даже умственно не здоровая старушка так счита-

ет! Когда-то Стивенсон мне за все это ответит!

– Да, Билли, почему не ценишь мать? – вмешался мистер Томас Крю, которого персонал в шутку называл «Мистер Крюк». Фамилия плюс соответствующая форма старого носа вполне обосновано наградили его этой кличкой.

– Мистер Крю, я очень ценю свою мать.

– Так приходи ко мне почаще, – продолжила Цукерман, – а то шляешься не пойми где.

– Да, Билли, шляешься не пойми где, вторил сумасшедшей старухе такой же сумасшедший старик.

– Я, мадам..., мам..., – ком в горле мешал нормально говорить, – простите.

Господи, извиняюсь, а за что? Они психи, им бы просто говорить что-то, – Билл понимал это, но каждый раз чувствовал себя не ловко, когда на него смотрело два десятка пар глаз в момент когда «мама» отчитывает нерадивого сына. Каждый раз так.

– Простите, мам, – еще раз выдавил Билл, мне нужно эм... отойти, да..., эм... в туалет, да, в туалет, мам. Я потом вернусь, эм... позже. Хорошо? – каждое слово давалось с большим трудом.

Вот за такие моменты Билл не любил ночные смены – дурацкие обходы. На дневной смене этим занимаются врачи, а охраннику только и остается, что сидеть за пультом и поедать пончики. Во всяком случае Билл пончики поедал старательно, при чем на каждой смене.

– Беги мой маленький, конечно беги. Терпеть в таких случаях совсем на пользу не пойдет, так ведь, сынок? – она произнесла это как-будто с издевкой.

– Да, Билли, не на пользу, беги отлей скорее, – разразился смехом мистер Крю. Его поддержало еще несколько стариков и на минуту тихий стариковский холл взорвался каким-то адским смехом. Кто-то кряхтел, кто-то пищал, а кто-то словно и задыхался. Сумасшедшие старики, – думал про себя Билл, и все ускоряющимся шагом удалялся от общего зала в направлении палат, – не обращай внимания, просто старики, долбанные сумасшедшие старики.

Этаж за этажом Билл обошел каждую заселенную комнату западного крыла лечебницы. Ничего не обычного. Все старики, которые предпочитали уединенность и не хохотали пару минут назад в холле, находились в своих апартаментах и занимались своими делами.

20:25

Как обычно, пришлось вызвать дежурного медика для мадам Фостер. Женщина страдала регулярными проблемами с давлением. Эти проблемы и доконали ее. Старушка совсем перестала мыслить и больше походила на ребенка, чем на женщину преклонного возраста.

За дежурного медика сегодня был Старый Джо. Джо, наверное, всю жизнь проработал в этой поликлинике. Нет, ну раньше, в молодые годы, он работал на скорой, а к 35 перевелся сюда. Сейчас ему под 70 и он тоже страдает перепада-

ми давлений, да и ведет себя порой как многие наши пациенты – молчит подолгу, спит днями на пролет, а иногда проявляет приступы жуткой агрессии. В эти моменты мы зовем его не «Старый Джо», а «Злой Джо».

Сегодня, судя по всему, был именно такой день. Джо смотрел вечерние новости, когда Билл вызвал его кнопкой, которая имеется в каждой палате, для срочного вызова дежурного медика, и теперь ковылял со своим огромным чемоданом медикаментов на второй этаж, где его ждали мадам Фостер и Билл.

– О, Билли, сукин ты сын, ни одной ночной смены не пройдет, чтоб ты не потревожил меня, – поздоровался Джо, склоняясь над мадам Фостер, – что тут у нас, опять давление подскочило?

Старушка лежала на своей койке неподвижно, лишь губы тихонько шептали: «В моей голове кто-то есть, там кто-то есть, уберите его, он делает мне больно». Медленно, повторяя одни и те же слова, в одном и том же порядке, она давала понять, что ей нужна медицинская помощь.

На самом деле Билл боялся этой женщины и иногда почти верил, что в ней сидит какой-то бес. Мадам Фостер уже год как находилась в поликлинике и за это время порядком успела начудить. Она могла вылить тарелку супа соседу на голову и уже разбила бы Бог знает сколько посуды, если бы та не была алюминиевой. Обычно такие ее выходки заканчивались повышением внутричерепного давления, она успокаивалась.

валась и начинала причитать о ком-то, кто сидит в ее голове и делает ей больно. Зрелище не для слаонервных.

Вот и сейчас старушка причитала о своих страданиях, а злой Джо, подготавливая инъекцию, причитал о своих.

– Что ты стоишь, Билл? Закатывай ее рукав, будем колоть эту одержимую.

– Мне кажется, Джо, что это не моя работа, промямлил Билл в ответ.

– Ума лишился?! А если эта полоумная мне в горло вцепится? Нет уж, давай, толстяк, шевели своей задницей, потому что своей я рисковать не собираюсь.

Старый Джо отличался от злого Джо тем, что не просил о помощи с уколom, не просил поднести его чемодан и не орал по чем зря на несчастных пациентов.

А сейчас это был злой Джо. Биллу хотелось скорее покинуть палату и заняться своими прямыми обязанностями, но Джо не отпускал:

– Я уж и не знаю куда этой... этой..., – Джо явно искал слово пообиднее, – мымре! Да! А-ха-ха, Билл, слышал? Старая мымра! Ну точно же наша мадам Фостер. Вот это я лихо подметил.

Джо, да ты больший псих чем несчастная женщина, – подумал Билл, а в слух произнес, – помоги ей, она же мучается.

– Сейчас такие времена, Билли, все мучаются. Я вот мучаюсь, работая с тобой. Ты ж совершенно глупый и бесполезный. Сидишь вон, пузо наращиваешь, а толку от тебя ноль, –

игла вошла в вену и Джо плавно надавил на шляпку шприца, – за 10 лет, что ты тут работаешь, сколько раз ты действительно пригодился? Да ни сколько. Раз помню безумец побег затеял и то не догнал ты его. Хорошо хоть копы подоспели вовремя, – Джо обернулся и посмотрел на Билла, – ну, что молчишь, так ведь все, только пончики пожираешь, вот и вся твоя работа.

– Но ведь спокойствие на работе это и есть моя задача. Значит я ее хорошо выполняю, – попытался защититься Билл.

– Ой, да заткнись ты! Что ты там выполняешь? Лучше б дома долг свой супружеский выполнял. Последний раз когда на жену-то вскарабкивался? – остаток лекарства Джо почти впрыснул в вену несчастной старухи от чего она ойкнула, но рукой даже не пошевелила.

Билл стоял за спиной врача с лицом залитым стыдливой маской. Вся больница знала, что у него были проблемы в постели. И если вы считаете, что не забитый в конце игры гол это проблема, то знаете что, идите-ка к чертовой матери, у вас, по крайней мере, сам матч состоялся. Они с Мартой не спешили заводить детей, мечтали о карьере и что в результате – она продавец в обувном магазине, а он охраняет умалишенных. Немного не то, о чем они мечтали.

Марта, по крайней мере, оставалась довольно привлекательной в свои 40, с пышной грудью и манящими губами. Короткие, крашенные в блонди и стриженные под каре воло-

сы дополняли ее кукольный образ. Ростом она была не высокая, но обувь на высокой платформе сглаживала этот недостаток. И, конечно, зад. Не тот, что был 10 лет назад, когда они с Биллом только познакомились, но, по-прежнему, весьма привлекательный. На самом деле многие могли бы позавидовать Биллу. Его супруга была действительно привлекательной женщиной, но любой разговор о их семье сводился к дикому смеху и издевкам над Биллом касательно его несостоятельности в делах постельных. Сказать по правде, отношения в семье, становились все хуже и не понятно, чем это все закончится.

– Эй, ты что заснул, идиот? – донесся откуда-то из далека голос Джо и вырвал Билла из плена своих мыслей.

– Да, я слышу.

– Слышишь, ага, три раза уже позвал. Бери чемодан и тащи его в мой кабинет.

Кабинет дежурных медиков находился на первом этаже, не далеко от поста охраны. У Билла даже не было желания спорить, впрочем, так чаще всего и случалось. «Спорят дураки», – так учила его покойная матушка и, все чаще казалось, что учение это было ошибочно.

Потной рукой Билл подхватил медицинский чемодан и потащил его вниз по ступенькам с третьего этажа, где мадам Фостер продолжала тихонечко жаловаться на незваного гостя в своей голове, причиняющего ей боль. Злой Джо, постоял еще немного у ее койки, убедился, что старушке ста-

новится легче и мелкими шагами поплелся за Биллом в свой кабинет.

20:40

Настроение после разговора с Джо оставляло желать лучшего. Смена только началась, а желание работать уже было убито напрочь.

Может Джо прав, – поймал себя на мысли Билл, – может я вовсе и не работаю. Хожу тут, строю из себя что-то, а в действительности бесполезен, как и остальные ребята из охраны.

Хотя вот Крис на много моложе, красивый и подкачанный. У него все впереди. Чего только стоят его бесконечные истории о новых девушках.

Майк, чернокожий парень 25 лет, вообще мало о чем в жизни думает. Днями на пролет сидит в наушниках, наслаждаясь своим дурацким рэпом. Ходят слухи, что он употребляет запрещенные медикаменты и знаете, это вполне может быть правдой.

Гарри – бывший коп, сейчас на пенсии. И, стоит отметить, пенсия копа весьма не плоха. В свои 50 лет он может позволить себе проводить отпуск на курортах с любящей женой и дарить не плохие подарки детям. Совсем скоро он станет дедом. Возьмет отпуск и полетит с женою к дочери. Та вышла замуж за немца и перебралась в Германию.

Подумать только, – Билл закатил глаза, – у нас с ним 10 лет разницы. Он, можно сказать, добился в жизни уже все-

го, а я ровным счетом ничего, ноль, пустое место. Ни детей, ни денег на банковском счете, двушка на окраине города, которая досталась от погибших в дорожной аварии родителей, вот и все. Ну да, конечно, Марта, чертова ведьма. Жизнь с ней под одной крышей это еще то удовольствие. Бесконечные споры и скандалы. Кажется, она ненавидит меня, но перед родными и близкими делает вид, что все хорошо. Скорее всего, она просто стыдиться, стыдиться признаться друзьям, что сделала не правильный выбор, что пустила жизнь по ветру с таким бестолковым существом как я. Бог мой, я не только свою жизнь убиваю каждый день самым медленным и мучительным способом, но и жизнь Марты превратил в ад.

Так размышляя, Билл шел от палаты к палате южного крыла. Общий зал был значительно тише, чем у стариков. Лишь несколько человек беседовали о чем-то. Билл не слушал о чем, ему были интереснее свои мысли. Он просто загнул пальцы, подсчитывая людей в холле, кивнул им и прошел мимо.

Двери палат не запирались изнутри, Билл тихонько открывал каждую, заглядывал внутрь, шептал про себя очередной порядочный номер, также тихо прикрывал дверь обратно и шел дальше. Конечно, у него был с собой список всех пациентов, но зачем он нужен, если состав клиники уже давненько не менялся.

Южное крыло Биллу нравилось больше всего. Почти все пациенты в нем были тихими. Кто-то с параноидальным

страхом, кто-то мнил себя Элвисом, а кто-то котом. Проблем почти никогда ни с кем не было.

21:00

К этому времени обход, как правило, уже завершался, но мадам Фостер, со своим недугом сделала его чуть затянувшимся. Ничего страшного, не в первый и не в последний раз.

Ключ точно попал в предназначенную ему замочную скважину и легко провернулся.

Билл подошел к кованной решетке, закрывающей восточное крыло поликлиники. В этом крыле содержались пациенты, которых, увы, приходилось держать обособленно, поскольку поведение их не соответствовало совсем никаким нормам.

Сейчас таких пациентов было лишь шесть. Всех расположили на втором этаже. На первом были обустроены кабинеты интенсивной терапии. Билл не особо понимал, что там делают с буйными, да и по правде говоря, не особо хотелось знать. Кабинетов таких было не много, большая часть была давно заперта и не открывалась даже для уборки годами.

Собственно, на втором этаже все помещения также находились под замком, кроме тех, в которых сейчас пребывали пациенты разумеется, а сам этаж отделялся еще одной кованной решеткой. Безопасность! Третий и четвертый этажи пустовали уже совсем давно. «Не рациональное использование площади, – каждый раз размышлял про себя Билл, – лучше б... лучше б, да хрен знает, что было бы лучше. Не раци-

онально и все». Два последних этажа не посещались ни одной живой душой уже несколько лет. Копившаяся там толстым слоем пыль в какой-то мере делала это крыло спокойнее. Каждому заходившему сюда охраннику или медику было проще понимать, что тут лишь пять кабинетов, а выше только пыль.

Билл поднялся на второй этаж и остановился у решетки, преграждающей лестничную площадку. Немного потеревив связку ключей в поисках нужного, Билл наткнулся на ключ «от сердца», подаренный ему Мартой в день их женитьбы. Небольшой ключик с держателем в форме сердца, инкрустированный стеклянными камушками. Многие из них уже выпали, но остальные держались хорошо.

«Выбрасываю ее обеды раз за разом, но долбаный ключ, по-прежнему, храню», – в пустоту произнес Билл. Мысли о том, что ключ можно выбросить даже не возникло.

Нужный ключ нашелся быстро и Билл успешно миновал кованую преграду.

Двери палат восточного крыла отличались от остальных. Само собой они были толще и прочнее. Так же на них имелось окошко, которое открывалось с наружной стороны для просмотра камер без необходимости открывать саму дверь.

Каждый раз входя в коридор Билл машинально проверял наличие шокера и газового баллончика и всегда они были на месте. Они еще ни разу не понадобились, да и камеры не давали повода сомневаться в их надежности, скорее сама

атмосфера пустого коридора с закрытыми годами комнатами да еще и с шестью психами в придачу заставляла чувство самосохранения встрепенуться.

Винсент Мор, считающий себя чемпионом мира по боксу, мирно спал на кушетке. Будь он адекватнее и не кидайся на обычных людей с кулаками по чем зря, вполне бы мог действительно стать боксером. Почти два метра ростом и чуть более 110 кг веса – убедительные тому доказательства.

Алиса Хэмворт, сидит в уголочке и о чем-то хихикает. Девушка 22 лет до седых волос запугала своих родных резкими перепадами настроения. Причем это не были какие-то там капризы, о нет, Алиса могла хохотать во все горло, а потом схватиться за кухонный нож и наброситься на отца прямо на кухне за замечание о шуме. Она и сейчас казалась Биллу довольно страшной.

Дик Томас, лежа на кушетке читал книгу, «Преступление и наказание» Достоевского. Уже, наверное, в сотый раз. Как и герой его любимой книги, Дик считал необходимым бросаться на свою домовладелицу с топором. За несколько месяцев до того как попасть в свою камеру, он сменил четыре квартиры, владелицами каждой из которых были пожилые женщины. Трем из них он раскроил черепа, при нападении на четвертую, его взяли копы. Во всем остальном он был вполне нормальным, если это слово вообще можно применить хоть к кому-то из «гостей» поликлиники.

– Привет Билли, окликнул Дик, как только Билл открыл

окошко на двери, – как смена проходит?

– Как обычно, привет.

– Алиса сегодня в гневе или хохочет?

– Смеется, ответил Билл.

– Не пойми меня не правильно Билли, но мне кажется, ее уже не вылечить. Топором по голове для нее было бы лучшим выходом...

– Что? Эм... Топором? – Билл поперхнулся

– Билли, а-ха-ха, ну топором, Достоевский, читаю как раз, – рассмеялся Дик, – шутка такая. Топор, Достоевский... Ай, ну тебя, книг не читаешь. Советую прочесть «Преступление и наказание». Я вот как раз читаю, очень интересная.

– Может как-нибудь. Спокойной ночи, – почти шепотом закончил Билл и закрыл окошко на двери.

Билл взглянул на часы – «Нужно ускориться», – подумал он про себя и направился к следующей двери. За годы, отработанное и без того простое движение, стало совсем уж механическим – открыл защелку, заглянул внутрь, закрыл защелку. Трое оставшихся пациентов лежали на своих койках.

21:20

«Осмотр завер. норм.», – гласила надпись в журнале, а в соответствующей ячейке была проставлена подпись Билла.

Ну вот теперь можно приняться за любимые бургеры, – размышлял Билл, доставая их из фирменной упаковки Мак-Доналдса. Впереди была долгая и скучная ночь с перерыва-

ми на очередные осмотры в полночь и в четыре утра.

Глава 2

Тонкие лапки ловко орудовали паутиной ниткой, создавая отточенный до мелочей рисунок. «Для них, двуногих великанов, это всего лишь способ поймать несчастную муху, – мог бы подумать сейчас небольшой паук, трудящийся в лунных лучах, – а для меня это едва ли не смысл существования». Конечно, ни о чем подобном паук не размышлял, он просто делал свое паучье дело, ниточка за ниточкой, кольцо за кольцом, паутина между карнизом крыши и вентиляционным отверстием психиатрической лечебницы медленно превращалась в произведение искусства трудолюбивого ткача.

Глава 3

Смена Билла десять минут как окончилась, но он все еще сидел за пультом охраны и сонным лицом приветствовал каждого санитаря приходящего на работу. Майк, как обычно, опаздывал.

Доктор Грант сегодня пришел на много раньше положенного времени. Санитары поговаривают, что на днях должны завезти нового пациента для восточного крыла, т.е. из категории тех, кого в поликлинике называют «буйным». Прибытие таких пациентов это не только большая редкость, но и куча бумажной волокиты, которой, по всей видимости, и зани-

мается сейчас док.

Билл в очередной раз набрал номер Майка и, в очередной раз, монотонные гудки раздавались непрерывно до самого сброса.

Мимо быстрым шагом прошла Люси, совсем молоденькая санитарка. «Тоже опоздала, – подумал Билл, – что за день такой, док будет в ярости. Хорошо, хоть я ухожу на свои заслуженные два выходных. Конечно, если Майк соизволит появиться на работе. И где его черти только носят?».

На мониторе, отображающем изображение с камеры в коридоре, появился доктор Грант. Он вышел из своего кабинета и направился в сторону пульта охраны. «Ну, сейчас начнется...»

– Билл, почему ты на смене еще? Где Майк? – не дойдя до кабинки громко спросил док.

– Я звонил ему, но он не берет трубку, – ответил Билл.

– Я что спросил тебя «Звонил ли ты ему»? Нет, я не спрашивал этого! Я спросил «Где, мать твою, Майк?!»

– Я не..

– Ты не! Не пытайся защитить его или оправдать себя, Билл! У меня на носу прием важного пациента! Со дня на день, Билл! Не сегодня, так завтра приедет целая делегация с проверкой, а у меня один сотрудник охраны, не приходит на работу, а второй еле перемещается из-за своего веса!

– Вы о..

– О тебе, да! О ком же еще!

Билл чувствовал себя отвратно. Так отец отчитывал его за плохие оценки, так мать отчитывала его за пристрастие к полуночным перекусам и вот, прошли десятки лет, а ничего не изменилось, его отчитывают как маленького мальчика, а он ничего не может сказать в ответ. Конечно, доктору Гранту было лет 60 и возраст уважать, конечно, нужно, да и прав он, как ни крути, и с этим тоже не поспорить. Завязать бы с бургерами только...

– Билл! Билл, ты тут?! – повышенный тон доктора вырвал Билла из мыслей о проклятых бургерах.

– Да, сэр, я Вас понял. Но что это за пациент и зачем он нам вообще, если так с ним все сложно и серьезно?

– Не будь, дураком, Билл. Я уже не первый год пытаюсь повысить уровень аккредитации нашей лечебницы. Это и дополнительные субсидии, и финансирование для покупок нового оборудования, препаратов и, как результат, повышение твоей, Билл, заработной платы. Ну и моей тоже, да и всех остальных, – тихонько пробубнел Митчел. А это все значит, что мы должны принимать пациентов с более серьезными психологическими расстройствами. Хотя зачем я объясняю тебе? Это же очевидно!

Билл действительно понимал это. Профессор Митчел Грант давно мечтал вернуть лечебнице прежний статус. Некогда заведение считалось очень серьезным, но халатность предыдущих главврачей и их жажда положить деньги в карман привели к тому, что лечебницу понизили и теперь

здание пребывало не в самом лучшем виде. Док был патриотом своей работы и его слова о повышении заработной платы были скорее пояснением для Билла, чем реальной мотивацией самого доктора.

– Найди Майка, как можно скорее, и передай пусть зайдет ко мне сразу как заступит на смену, – док развернулся и пошел обратно в свой кабинет.

«Найди Майка... Как я его искать должен? По запаху что ли, – возмущался про себя Билл, – опаздывает он, а страдаю я». С этими мыслями Билл опять набирал телефонный номер Майка.

К своему удивлению, после первого же гудка, на той стороне телефонной линии бодро прозвучал голос Майка:

– Хэй, привет, мужик! Соскучился?

– Майк?

– Ну понятно, что Майк, а кто ж еще, дурень.

– Ты где пропадаешь, – почему-то почти шепотом спросил Билл.

– Та не пропадал я, мой белый брат, – все так же задорно ответил Майк, – скоро буду, не дрефь.

– Доктор Грант в ярости. Когда ты будешь?

– Пара минут, Билли, пара минут. Уже подхожу. Говорю же не дрефь, с доком я разберусь.

– Майк, что случилось-то хоть? Проспал?

– О, ну что ты, вовсе нет. Как раз очень рано встал. Ну все-все, дорогая, хватит вопросов, скоро буду. Целую, обнимаю.

– Майк, сколько тебя ждать?!... Майк, – но ответом был лишь короткий сигнал о разрыве соединения и тишина.

08:30

Входная дверь отворилась и в коридор неспешно вошел Майк. Он огляделся любопытным взглядом, словно впервые видит здание изнутри, одобрительно кивнул сам себе, видимо таким образом отвечая утвердительно каким-то своим мыслям и направился к кабинке охраны в которой сидел Билл.

– Хэй, дружище, привет еще раз! – поприветствовал Майк укоризненный взгляд Билла.

– Угу, привет, – ответил тот, теперь-то пояснишь, что случилось с тобой?

– Ага, только подожди чуток, переоденусь, – Майк направился в раздевалку, насвистывая какую-то мелодию.

Биллу ничего не оставалось кроме как опять ждать.

Через пару минут Майк, все так же беззаботно и неспешно вышел из раздевалки и подошел к кабинке охраны. Билл уступил место сменщику, и сам направился в раздевалку.

«Да какая мне, к черту, разница, что там с ним случилось, – думал Билл, стягивая с себя рубашку, – в конце концов он не маленький мальчик и сам должен нести ответственность за свои поступки. Пуговицу бы подшить не мешало, – отметил мысленно Билл, пощупав ослабевшую нить, – или живот уменьшить. Эх...». Ворчания про себя немного помогли успокоиться, но внутри все равно зрела обида за то,

что по вине Майка ему пришлось выслушивать недовольства доктора Гранта. Спустя пару минут все вещи были аккуратно сложены в шкафчик. Приняв решение не вмешиваться в проблемы чернокожего коллеги, Майк направился на выход и, уже пройдя мимо поста охраны, услышал:

– Билли, по-легче, не психуй.

– Что? – не сразу понял Билл.

Майк смотрел на него из кабинки и улыбался:

– Расписываться в журнале я за тебя буду, Билли?

– Точно, – ударил себя по лбу Билл и подошел к журналу.

Быстро поставив подпись в соответствующей ячейке, Билл положил ручку на стол. В этот момент Майк схватил Билла за руку и, наклонился к его лицу, прошептав что-то. Он сделал это так резко, что Билл мало того, что не расслышал сказанного, но еще и испугался, инстинктивно отдернувшись в сторону. Рука, все же осталась на столе, прижатая рукою Майка.

– Что ты сказал? – переспросил Билл.

– Переспроси меня еще раз, где я был, – опять прошептал Майк.

– Майк, что за игры? Я тебя все утро об этом спрашивал.

– Переспроси, – не унимался Майк.

– Где же ты был, Майк?, – так же шепотом спросил Билл.

– Ой, Билли, ну ты опять за свое, – внезапно взбодрившимся голосом сказал Майк.

Слова прозвучали так громко и звонко, что, от неожидан-

ности, Билл опять испугался и дернулся, а Майк в ответ разразился смехом, – я просто проснулся сегодня по-раньше и решил прогуляться на работу пешком.

– Ты живешь в пятнадцати километрах, Майк!

– Ой, ты как мамочка моя, все преувеличиваешь. Десяти всего на самом деле. И, как видишь, пришел во-время.

– Ты опоздал почти на час!

– Ну, опять ты за свое, на пол часа всего.

– Доктор просил зайти тебя к нему, как выйдешь на смену.

Он очень не доволен.

– Прекрати уже паниковать, Билли. Я ж говорил, с доком пообщаюсь, все будет тип-топ, – Майк подмигнул, – а вообще, задумывался ты над именем дока? Митчел Грант. Зовут Митчел, а фамилия Грант, ну смешно же, Билли, логичнее было бы быть Грантом Митчелом, а он Митчел Грант. Просто ужас.

– Ты пьян? Что за ерунду ты несешь? – возмутился Билл.

– О, Билли, мой толстый белый друг, я не пью. Это для здоровья вредно. Я вот, что употребляю, – громким хлопком ладоши по столу Майк выложил маленький пакетик с прозрачной таблеткой внутри, – наркотик!

– Майк! Твою мать! – Резким движением Билл схватил таблетку и сунул себе в карман, – тут камеры, люди, Майк, что ты творишь, – шепотом продолжил Билл.

– Ой, ну ладно, ты просто завидуешь. Ну что ж, Билли, я хороший друг. Бери эту себе и оторвись нормально. А то

жизнь тебя бьет как стирку в центрифуге, – тут уж было не поспорить.

– Уходи со смены, Майк, скажем, что ты заболел, попросим Криса или Гарри подменить тебя.

– О нет, мой дорогой друг, у меня отличное настроение и я готов работать, а ты дуй давай домой спать. Давай-давай, а то расскажу доку, что ты по больнице с наркотиками шляешься, – Майк захохотал как одержимый. Впрочем, он и был сейчас одержимым какой-то химической формулой, хранившейся в прозрачной таблетке.

«Какое-то безумие, безумие, безумие, – паника всецело овладела Биллом». Не понимая, как поступить правильно и что вообще делать, Билл просто попятился спиной к выходу, не отрывая взгляда от широчайшей улыбки Майка. Голова закружилась и разболелась одновременно, взгляд стал размытым. Билл боялся за Майка, за себя. Он не мог даже предположить, что будет дальше, когда Майк поговорит с доком. Только сейчас он понял, что у него в кармане лежит таблетка Майка, чертов наркотик. Он взял ее прямо под камерой. «Что делать? Вернуть? Опять под камерой? Мне конец! Зачем я ее схватил?!» Билл все пятился назад и уже нащупал ручку двери. Спиной он вышел на улицу, споткнулся на ступеньке, чудом не покотившись вниз. Головная боль все возрастала, сердце колотилось как сумасшедшее. В голове начал раздаваться жуткий писк, свист. Тело встряхнула странная дрожь и Билл упал на асфальт. Страх, паника

и боль отступили перед черным туманом, накатывающимся на сознание Билла. Тьма.

Глава 4

Чак Дуглас недвижимо стоял в неприметном переулке. Длинный плащ и небольшая сутулость фигуры не могли скрыть атлетичного телосложения мужчины. На голове была шляпа с полями, какую часто носят детективы в фильмах, а между пальцами правой руки зажата зажженная сигарета. Казалось бы, если хочешь скрыть тот факт, что ты детектив, не одевай плащ и шляпу. Но Дуглас, то ли в силу своих стереотипов, то ли по упертости, хотел выглядеть именно как настоящий детектив, которым он и являлся.

Небо затягивалось черными облаками, сулящими скорую грозу. Тьма укутает город, выпустив на улицы всю его грязь, всю злобу и ненависть, а затем смоем проливным дождем в городские канализации, где все это дерьмо будет расти с новой силой и ждать своего часа чтоб вновь выплеснуться на улицы города. И тогда жестокие мужья опять будут избивать своих жен, пропащие матери прильнут к бутылке, забывая о своем чаде, и даже безжалостные дети будут заливать смехом, бросая очередной камень в хромого кота. Город неизбежно заполонится жестокостью, безразличием и ложью в ожидании очередного очищения, которое, в конце концов, может больше и не прийти.

Вот и сейчас, когда несчастного мужчину, спускавшего-

ся по ступенькам клиники для душевно больных, сбила машина, случайные прохожие не спешили прийти на помощь. Они ходили по своим делам, переходили ту же улицу, на которой, распластавшись, лежал тучный мужчина лет сорока. Они лишь кивали головами и о чем-то перешептывались. Только водитель автомобиля вышел из машины и подошел к пострадавшему. К чести водителя стоит сказать, что затормозил он вовремя. Удар едва ли был сильным.

Чак не шевелился. Он лишь наблюдал за происходящим. Конечно, толстяку досталось, но виноват он сам. Чего можно ожидать, если ты выходишь на проезжую часть спиной к ней? Похоже что-то очень испугало его в поликлинике. Конечно, место в котором собрано столько психов нельзя назвать приятным и дружелюбным, но чтоб так напугать человека нужно что-то большее, вопрос только «Что?».

Легкое жжение на правой руке сообщило о том, что сигарета выгорела до самого фильтра. Пальцы разжались и окурок упал на асфальт.

Мужчина на асфальте пошевелился и начал подниматься под возмущенные возгласы водителя.

На асфальт упала первая капля дождя.

Глава 5

Билл не сразу понял, что произошло, когда открыл глаза. Еще мгновение назад в его голове ураганом метались мысли, а сейчас все стерто, белый лист. Никакой паники и никакого

страха. Вспоминается смеющийся Майк, он такой забавный, вспоминается Марта, не та Марта к которой он сейчас шел с рабочей смены, а та, на которой женился много лет назад и совсем не вспоминается таблетка наркотического препарата, которая так подло лежит в его кармане. Ему было комфортно и легко прямо сейчас, в эту секунду, всего одну короткую секунду в течение которой, похоже, Билл даже улыбался, а потом на него словно наехал самосвал и вывалил тысячи и тысячи камней на уставшее тело.

– С тобой все в порядке? Встать можешь? – водитель машины, только что сбившей его, крепко держал Билла за руку и помогал подняться. К своему удивлению подняться было не сложно. Точнее даже подниматься получалось и это уже радовало. Правое бедро ныло и немного жгло. Уже поднявшись на ноги, Билл обнаружил, что штанина в месте удара лопнула и сквозь образовавшуюся дыру светилося красное пятно, сулившее здоровенный синяк.

– Идти можешь? – продолжал сыпать вопросами водитель, – ты же понимаешь, что я не виноват ни в чем. Ты сам вывалился на дорогу. Мы же не будем это до суда доводить?

– Что? Какой суд? – Билл еще не собрался с мыслями.

– Ну вот и я говорю, что нечего нам из мухи слона делать. Держи вот сто баксов. Мужчина закопошился в бумажнике, ловко вытащенном из кармана брюк.

– А, нет, сэр, – Билл начал понимать, о чем говорил водитель, – ничего страшного, я действительно сам виноват.

– Держи вот, – мужчина протянул Биллу помятую сотку и Билл, не особо задумываясь, взял ее. – С тобой все в порядке, точно? Может в поликлинику подвезти?

– Нет, спасибо, я живу тут не далеко, дойду, – Билл зашевелил головой пытаюсь сориентироваться на местности и выбрать направление движения. Мысли были заторможенными, мозг упорно отказывался соображать.

– Ну как знаешь, – пожал плечами водитель, – надеюсь, ты не держишь зла на меня, я же, действительно не хотел. Ты просто...

– Да-да, сэр, это моя вина, – перебил Билл и попытался сделать шаг в выбранном направлении. Легкая боль, но вполне терпимая. Билл зашагал, прихрамывая, домой, оставляя за спиной взволнованного водителя, толпу зевак и улыбающегося в окне поликлиники Майка.

Билл действительно жил не далеко от работы, всего-то в 5 кварталах. Это были его любимые 5 кварталов города. На самом деле Билл почти никогда и не покидал этой мысленно очерченной территории. Тут было все: дом, работа, супермаркет и пара небольших магазинов, пристойный бар с космическим названием «Орион», кинотеатр и, конечно, МакДоналдс.

Сегодня, проходя мимо любимого фастфуда, Билл даже не задумался о любимых бургерах или милостивой Энни. В голове еще не устаканились события последних минут, а нога предательски болела. Яркие, едва тронутые осенью,

листья на деревьях сегодня казались Биллу какими-то серыми, а сами ветки, словно потеряв привычные четкость и строгость, скручивались спиралью и устремлялись высоко в небо. Все чаще Биллу приходилось потряхивать головой, чтоб придать деревьям привычные очертания, но уже через пару секунд, нарушая все основы логики, деревья вновь искривлялись в извращенное подобие водоворота.

Идти становилось тяжелее с каждым шагом. Дорога, то и дело, норовила ускользнуть из под ног, но до заветной парадной оставалось совсем немного и, преодолевая боль от ушиба, головокружение и странные изменения очертаний привычных вещей, Билл продолжал движение домой.

Он дошел до своей парадной и приложил ключ-магнит к считывателю. Короткий сигнал оповестил об открытии двери и Билл потянул за ручку. Сегодня дверь показалась невероятно тяжелой и неподатливой. Билл тянул что есть мочи, на лбу проступили капли пота. Дверь двигалась, но так медленно, как это бывает в кошмарных снах. В глазах помутнело, пот уже градинами стекал по щекам и шее, впитываясь в ворот рубашки. Сил становилось меньше и дверь поползла обратно, поддаваясь возвращающему механизму. Тихий щелчок, дверь заперлась. Билл дернул за ручку еще раз и его вырвало. Слезы беспомощности потекли из его глаз, он упал на колени и сделал пару глубоких вдохов. Видимо удар автомобиля не прошел бесследно, оставив после себя, небольшое сотрясение.

Билл простоял на коленях с пол минуты. В голове прояснилось и он смог подняться. «Хорошо хоть никого из соседей не проходило мимо, позору бы было», – подумал про себя Билл. Вновь нащупав ключ от входной двери, Билл отворил парадную и вошел в подъезд. Двушка, доставшаяся от родителей, находилась на первом этаже и не имела тамбурной двери. Лишь одна дверь отделяла его уютное жилище от всего мира. Билл вошел в квартиру, разделся прямо у входа и направился в спальню. Все, чего ему сейчас хотелось – выспаться.

В квартире царил тишина. Рыжая кошка, которую они котенком подобрали с улицы пару лет назад, выглянула из кухни, секунду посмотрела на хозяина, и опять скрылась за стеной. Судя по всему Марты не было дома. Подумав об этом, Билл даже немного взбодрился. Меньше всего ему сейчас хотелось затеять какой-то очередной бессмысленный спор или ссору. С этими мыслями Билл добрал до кровати и рухнул на нее. Старенькие пружины лишь немного скрипнули и тишина вновь поглотила квартиру, на этот раз вместе с человеком, лежащим недвижимо на кровати.

Знаете ли Вы, что такое тишина? Нет, это не просто наслаждение от момента, когда закрываешь новое металлопластиковое окно, отрезая себя от уличного шума. Стало чуть менее шумно, но достаточно для того чтобы восторг в вашей голове от нового окна простил вам потраченные на него сто долларов. Тишина это не то время, когда соседи выключат

шумные телевизоры и уложат взбалмошных детей спать. Конечно, стало на много тише и у вас появляется возможность спокойно уснуть. Вам кажется, что вот она, тишина, но впереди еще детский плач от ночного кошмара и скрип кровати под горячей парочкой. Мы называем тишиной то состояние, когда нам становится достаточно комфортно заниматься какими-то своими делами: спать, приставать к женам, погружаться с головой в свои мысли... Настоящая же тишина сводит с ума. Вы слышите биение своего сердца так громко, словно барабанщик отыгрывает партию прямо у вас в голове, вы слышите как кровь течет по венам и бурлит желудок, переваривая недавний ужин. И когда в такой тишине кто-то громко захлопывает входную дверь, мозг бьет настоящую тревогу. Именно так почувствовал себя Билл, когда Марта вошла в квартиру. Временный приступ страха овладел им и закружил вереницу мыслей: «Вещи разбросаны по комнате, джинсы грязные и порванные». Повода для ссор Марта никогда долго не искала, будь то брошенный в угол носок или не вымытая посуда, не кормленная кошка или пыль на подоконнике. Ежедневные ссоры почти всегда были неизбежны, и вот сейчас грозила начаться очередная.

Меньше всего ему хотелось сейчас говорить и уж тем более вступать в перепалку с женой. «Будь что будет», – промелькнула мысль в туманном сознании Билла и он даже не шевельнулся. Просто лежал и ждал.

Марта зашла в комнату не проронив ни слова. Постояла

немного глядя на Билла и так же молча вышла. Билл слышал как она ходила по квартире, что-то переставляла, копошилась в комод и шкафу. Билл не видел ее, но слышал так отчетливо, словно глаза его были широко открыты. Вот она зашла в ванну, теперь переместилась на кухню. Несколько раз заходила к нему в спальню и заглядывала в тумбочки у кровати. Наконец она остановилась и теперь Билл лишь слышал ее глубокое дыхание и... всхлипывания? «Она плачет, – понял Билл, – из-за меня. Как же, наверное, я сейчас жалко выгляжу – жирна туша, не мытая и в ссадинах, возможно даже с остатками блевоты на лице, лежит сейчас на кровати и не в состоянии даже поздороваться со своей женой. Я бы тоже расплакался, зрелище не из лучших».

– Я ухожу, – почти прошептала она и, немного помолчав, повторила, – я ухожу от тебя Билл. Так больше не может продолжаться. Я собрала часть вещей, за остальным приеду потом, когда... когда ты будешь на работе.

К удивлению, голос ее был спокоен, а слова звучали так уверенно, словно мысль об уходе поселилась в ее голове уже довольно давно.

С тяжелым вздохом Билл приподнялся и присел на краю кровати. Теперь он отчетливо рассмотрел свою жену. Марта действительно плакала. Она стояла с сумками в обеих руках и просто смотрела. Билл даже не совсем понимал смотрит ли она на него или куда-то в пустоту, думая о принятом ею решении. Не то что бы ранее мысли об уходе жены не посеща-

ли голову Билла, но верить в то, что это когда-то может случиться, все рано не хотелось.

– Марта,...

– Только не нужно говорить, что все наладится, – Марта всхлипнула. Она продолжала недвижимо стоять, но взгляд ее теперь явно был сосредоточен на своем муже.

– Но я не понимаю...

– Билл, что ты не понимаешь? Ты не понимаешь, что мы не живем, а мучаем друг-друга? Нашей семьи уже давно нет, да ее и не было никогда!

– Мы могли бы...

– Мы могли бы как всегда поскандалить, я высказала бы тебе, как меня это все достало, после чего мы продолжили бы играть в мужа и жену. А вскоре все это повториться опять, и опять, и опять. Нет смысла даже пытаться что-то исправить, Билл. Исправлять просто нечего!

– Знаешь, у меня не самый простой день был на работе.

– Давай опять поговорим о твоей работе! В любом споре ты говоришь о своих долбанных психах. Один ты работаешь у нас? А я чем занимаюсь по-твоему?

– Я не это имел ввиду, Марта.

– Если на то пошло, то я зарабатываю не меньше тебя!

– Зачем ты так? – комок подошел к горлу, говорить становилось все сложнее, а слезы на лице Марты, казалось, потекли быстрее.

– У тебя кто-то есть? – Билл задал этот вопрос не гля-

дя на Марту. Он давно предполагал, что у нее может кто-то быть. Даже подозревал одного ее «постоянного клиента» в магазине. По-моему она говорила, что его зовут Люк. Здоровый такой мужик, Билл видел его пару раз в магазине, где работала Марта.

Марта словно не услышала вопроса.

– У тебя есть кто-то, Марта? – повторил свой вопрос Билл. – Это тот самый Люк, который заходит к тебе в магазин?

– Ты совсем спятил?! – сорвалась Марта. – Знаешь что, пошел ты ко всем чертям! Я уезжаю к родителям, остальные вещи заберу потом. Не хочу больше ни видеть тебя, ни слышать! – Марта перешла на крик. Стандартный такой крик, который она использовала в каждой ссоре.

Как ни странно, Билл не испытывал ни угрызений совести, ни беспокойства, ни даже страха одиночества. Он просто откинулся на кровать и закрыл глаза. Марта кричала еще о чем-то, перешла на совсем уж нецензурную брань, но Биллу было все равно, он засыпал.

Глава 6

Люди гордятся своими достижениями. Каждый по-своему и по-разному, но все равно гордятся, особенно мужчины. Да-да и не говорите, что это не так. Вынес мусор без напоминания жены и до конца дня гордость за утренний поступок не оставит вас. Повесил полку в комнате и чувствуешь себя

архитектором, спроектировавшим «Бурдж-Халифа» в Дубае, а уж если за это еще и похвала перепала, то все, самоудовлетворение зашкаливает.

Для паука же идеально сотканная из паутины сеть, поражающая своей точностью и красотой – лишь способ выжить и уж точно не повод гордиться собой. Но когда паук доплел свою паутину между карнизом крыши и вентиляционным отверстием психиатрической лечебницы он на пару секунд замер, словно оценивал проделанную работу. Сеть удалась безупречно, каждая ниточка занимала строго отведенное ей место, каждый виток располагался на равном удалении от соседнего, такого же аккуратного, витка.

Не найдя огрехов в своей работе, паук медленно пополз в самую верхнюю часть сотканной им сети и далее, еще выше, по предусмотрительно отведенной нити, к своему убежищу между параллельными металлическими полосами решетки, закрывающей вход в вентиляционную шахту лечебницы. Тут ему предстоит провести не мало времени в ожидании своей жертвы.

Глава 7

Окна выходили на восток и, ко всему, были зашторены, от чего в комнате образовался полумрак. Размерами два метра на три, помещение не позволяло вдоволь разгуляться, однако комната не была особо обставлена мебелью, потому довольно крупный мужчина мог ходить по ней взад-вперед

вполне комфортно. Он ходил так уже не первый час, взад-вперед, взад-вперед, упираясь то в небольшой диванчик, то в женщину, сидящую на полу у радиатора на противоположной стороне комнаты.

– Понимаешь, – говорил он, обращаясь к женщине, – эта ситуация совершенно меня не устраивает, да и тебя она устраивать не может. Мы кормились... я кормился его деньгами не один год и не собираюсь терять такой замечательный источник. Ты должна понять меня. Ну сама подумай, я же не создан для работы. Работать должны такие, как твой муж, а такие как я должны ездить на их горбах, тратить их деньги и трахать их жен, – мужчина ухмыльнулся, – так ведь?

Женщина едва повела головой, глаза ее были полны слез, а губы сильно сжаты, словно в страхе открыть рот для малейшего звука.

– Ты не посоветовалась со мной, – продолжал мужчина, расхаживая по комнате, – не спросила моего разрешения и просто так решила оставить нас... меня без средств на проживание? Через мгновение лицо мужчины оказалось перед лицом заплаканной женщины. Его рука ухватилась за сомкнутую челюсть и мужчина заорал, что есть мочи:

– Что ты молчишь, стерва?! – слюна брызнула на женское лицо, – что ты молчишь?! Тварь! Ты не того кинуть решила, думала вот так просто скажешь, что денег больше нет и я тебя приму и расцелую? Нет!!! Нет!!! Ты должна мне, слышишь? Должна мне денег! – слюна продолжала брызгать

на женщину. – А может ты вообще не хотела мне ничего говорить, просто сбежать и от него и от меня! Таков был твой план?! Говори, сука! Сбежать хотела?!

Мужчина оторвал свою руку от женского лица так резко, что голова ее невольно качнулась и с тихим звоном стукнулась о радиатор. Женщина взвыла от боли и еще больше разрыдалась.

– Ты все исправишь, – успокоившимся голосом произнес мужчина и поднялся на ноги, – обязательно исправишь.

Глава 8

Чак Дуглас медленно двигался по утреннему парку, укутанному густым туманом, то и дело оглядываясь по сторонам и огибая встречных дворников. Последние его словно и не замечали, усердно работая своими старыми метлами, и Чак был им за это весьма благодарен. Он не любил лишнего внимания, но сам старался наблюдать за каждым встречным. Жизни незнакомцев всегда были ему интереснее своей собственной. Вот парень в брюках и пиджаке с незаправленной рубашкой, бежит, сломя голову, на остановку, не зная, что шестичасовой автобус уже отъехал, а следующий подъедет только через 15 минут. В руках у него кейс, а на шее галстук в цветочек, завязанный наспех и криво. Друзьям говорит, что он важная шишка в большой компании, а в действительности – пиджак от Olive стоимостью 30 долларов в китайском интернет-магазине и брюки, бренд которых,

в тех же магазинах, помечается как «брюки, мужской, полиэстер, шерсть», выдают в нем мелкого клерка, зарывающегося в бумажках с утра и до ночи. «Сегодня „большая шишка“ на работу опоздает и получит от босса хороший нагоняй», — Чак ухмыльнулся собственным мыслям.

А вот молоденькая девочка неспеша двигается по направлению к местному МакДоналдсу, где она работает уже полтора года. Рабочий день у нее начинается в восемь утра, но она всегда идет значительно раньше, да и уходит оттуда позже предписанного графиком времени. Дома ее никто не ждет и не греет в холодной постели, страдает бессонницей и явно трудоголик по жизни.

Впереди, метрах в ста, находилась старенькая детская площадка, некогда возведенная самими жильцами близлежащих домов. Ничего особенного, горка, песочница, карусель да пара качелей, но все было сделано с любовью и светлыми помыслами. Много лет прошло со дня установки этих качелей, но все они были в пригодном состоянии и по сей день. Когда-то они были выкрашены в яркие цвета и разрисованы веселыми мордочками. Да, это были времена, когда подобные картинки называли мордочками, а не «смайлами». Сейчас, конечно, краска выгорела на солнце, а местами и вовсе сошла, оставляя после себя пятна ржавчины.

Чак направлялся именно туда, на площадку. В какой-то момент он начал различать совсем тихое поскрипывание карусели «скрип, тишина, скрип, тишина...». Карусель словно

выплывала из тумана, а вместе с ней из тумана появлялся силуэт взрослого мужчины, медленно вращающегося на ней, подталкивая себя по-немногу правой ногой. Чак остановился словно замороженный. Еще секунду назад он и не задумывался о том, насколько непроглядная дымка тумана окутала утренний город, а теперь он словно стал зрителем фантастической пьесы. Лишь ближнюю половину карусели Чаку удалось как-то рассмотреть, дальняя же сторона была сокрыта туманом. Силуэт мужчины появлялся из неоткуда, проплыл пол круга и вновь уходил в никуда, медленно, с тихим скрипом. Это мог бы быть фрагмент фильма ужасов в котором именно на такой карусели, именно в такую погоду катался бы серийный убийца в ожидании невинной жертвы, но это был обычный мужчина и, постояв пару секунд, Чак не спеша двинулся к нему. Он подошел к карусели и опять остановился на какое-то время. Мужчина словно и не заметил, что к нему кто-то подошел. Его правая нога все в том же неспешном ритме толкала его на очередной виток. Чак подобрал удачный момент и ловким движением подсел на маленькое кресельце карусели напротив молчаливого мужчины. Теперь они катались вдвоем, сидя друг напротив друга и не говоря ни слова «скрип, тишина, скрип, тишина...».

Из-под полей своей «детективной» шляпы Чак разглядывал мужчину напротив. Поднятый ворот его пальто не позволял комфортно вращать головой, да этого и не требовалось, мужчина сидел недвижимо, не считая медленных, рит-

мичных толчков ногой. Одет был мужчина не броско: самые обычные черные брюки и серого цвета свитер с воротом под горло. Рукава свитера были немного коротковаты и из-под них торчала синяя рубашка в клетку. Впрочем, она же торчала и в районе спины, где свитер был небрежно задергт. На ногах старенькие черные шнурованные туфли, немного потертые по краям, со сбитыми носками, чуть грязные по погоде. Проходящий зевака мог бы, при желании, принять этого человека если не за бродягу, то точно за какого-то неряху. Чак невольно вспомнил как сам собирает воедино человеческие образы прохожих по их одежде или поведению, но сейчас был совсем другой случай. Этот человек, возможно, и был неряшлив, но лишь в вопросах того, что носит на себе. Его же гладко выбритое лицо, аккуратная, словно только что сделанная короткая стрижка с небольшой проседью у висков и очки для зрения в строгой хромированной оправе говорили о том, что человек этот не так прост как может показаться на первый взгляд. Самих глаз Чак видеть не мог, поскольку сидели они друг к другу полубоком, но помнил, что это были самые необычные глаза, которые он когда-либо видел в своей жизни. Красные, словно у Альбиноса, глубокие, как сама бездна...

– Сегодня меня уже дважды назвали психом, Чак, – словно прочитав мысли детектива, медленно заговорил человек.

Чак не ответил, лишь немного кивнул головой и потянулся за сигаретами в правый карман пальто.

– Люди видят, но они слепы, – все так же спокойно продолжил «неряха», – слышат, но глухи, могут прикасаться, но ничего не чувствуют. Оболочки, которые думаю, что живут. Чак, они философствуют о смысле жизни, даже не зная ЧТО такое жизнь.

– Мы не вправе судить их за это, – прозвучал сиплый с хрипотцой голос Чака. Такой голос мог бы быть у старика или носителя сложной формы ангины, но Чак любил свой голос и нарочно придавал ему «глубину». С таким голосом его образ загадочного детектива казался Чаку завершенным.

Человек напротив ничего не ответил и Чак повторил:

– Не вправе судить их, понимаешь?

– Мой старый друг, а когда приговор выносили мне, было ли право на это у моего судьи? И не ты ли впился тогда в меня зубами и когтями, утягивая во мрак, когда душа моя стремилась к свету? Напомню тебе, что именно ты привел нас сюда, именно ты тогда погнался за мной и по твоей вине мы оба стали узниками в мрачной темноте.

– Ты же знаешь...

– Оставь, – прервал Чака собеседник, – я не держу зла. Это было давно и я многое переосмыслил.

– Значит ли это, что теперь все по-другому?

– Когда гусеница укутывается в кокон чтобы в последствии выбраться оттуда бабочкой, становится ли она другой?

– Несомненно, – отрезал Чак, – у нее отрастают крылья и она становится красивее.

– Да, друг мой, у нее отрастают крылья, зачастую с причудливыми, яркими узорами и люди, которые вчера давили «мерзких» гусениц, сегодня восхищаются красотой бабочек.

– К чему это ты?

– Я гусеница, Чак, гусеница, которая долгое время сидела в своем коконе. Сейчас путы спали и у меня отрасли крылья. Я не стал другим, Чак, я, подобно бабочке, получил новые возможности, получил свободу.

Чак не ответил, не знал, что ответить. Он молчал в надежде, что какая-то шальная мысль подскажет ему, что делать дальше. Но мыслей не было, вообще. Словно вселенская лень легла на его плечи и умоляла ничего не делать, ни о чем не думать, просто сидеть на карусели и курить.

– Раньше все было проще, Чак, все было понятнее. Сейчас же многое изменилось, многие изменились.

– С тобой просто не было никогда, – парировал монотонным голосом Чак.

Человек с красными глазами самодовольно улыбнулся:

– Да, у меня не лучший характер, – улыбка повторилась и стала еще шире, – возможно, проще было только мне.

– Возможно.

– Не веди себя так, Чак, будто не скучаешь по тем временам. Ведь было интересно, было весело.

– Я так не считаю, – Чак поежился немного, на детском кресле оказалось не так уж и удобно.

– Всегда ты был занудой, детектив, – человек в свитере

оттолкнулся от земли чуть сильнее прежнего, нарушив ритмичное поскрипывание колеса и продолжил:

– Что ж, мой старый друг, пришло время нам попрощаться, множество дел ждет. Быть может, встретимся еще, но не скоро, – глаза человека словно вспыхнули на долю секунды и тут же вернулись к своему жутковатому красному цвету.

– Ты же знаешь, что так нельзя, – начал было Чак, но собеседник прервал его:

– Нельзя? – «неряха» еще сильнее толкнул колесо карусели и чуть повысил тон, – А вправе ли ты решать, что можно, а что нельзя?

Туман вокруг карусели начал темнеть и сгущаться. Карусель набирала скорость. Ее больше никто не толкал, она просто ускорялась, сама по себе.

– Что ты делаешь? – почти вскрикнул Чак. Оковы лени, надуманной серьезности и спокойствия разом спали и Чак завертел головой, выбирая место по-удобнее, что бы соскочить на землю. Чем тщательнее он всматривался в землю, тем более размытой она ему казалась и в какой-то момент совсем исчезла, став цельным черным пятном. Он никогда не был пугливым, но сейчас ему было не по себе. Человека в свитере уже не было напротив. Он стоял в нескольких метрах поодаль и наблюдал, постепенно исчезая в приближающемся тумане.

Черное пятно расширялось, в стороны, словно стремясь

на встречу надвигающейся туманной мгле и становилось... глубже?! Чак готов был поклясться, что под ним теперь не было вообще никакой земли, лишь зияющая пропасть. Карусель не прекращала ускоряться и Чаку пришлось ухватиться за поручни. Границы пропасти воссоединились с туманом и тьма щупальцами поползла вверх, окрашивая туман в беспроглядную мглу. Чак все сильнее хватался за поручни, тело рвалось прочь с карусели, хотело оторваться и улететь в никуда. Костяшки пальцев побелели, а зубы закрипели от напряжения. Любимая шляпа сорвалась и исчезла за долю секунды, а полы длинного пальто взметнулись вверх и начали хлестать Чака по лицу. Последнее, что Чак увидел в хаосе кружащейся тьмы и трепыхающегося пальто был силуэт того самого человека в свитере, лишь смутный силуэт и ярко красные, рубиновые глаза.

В парке царил тишина. Лишь одинокая карусель нарушала ее периодичным поскрипыванием «скрип, тишина, скрип, тишина...».

Глава 9

Город медленно просыпался, словно не желая вылезать из под уютного одеяла, сотканного осенним туманом. Где-то там, в непроглядной влажной дымке, суетились дворники. Как и любая женщина не способна пойти на встречу не накрасившись или приодевшись, так и город не мог начать свою бурную жизнь не прихорошившись усилиями со-

тен дворников. Вместе со всем городом медленно просыпались «пять кварталов» Билла Груффера.

Солнце еще только вот-вот должно было показаться из-за горизонта, а по старым рельсам уже поехал первый трамвай. Район в котором жил и работал Билл был довольно старым, но очень ухоженным. Некогда это был центр города, но индустриализация взяла верх над парками и скверами, переместив всю деловую жизнь немного южнее, а вместе с уходящими ввысь бизнес-центрами и огромными супермаркетами, пышущими дорогими витринами и ночными люминациями, гордое звание «центра города» покинуло район в котором жил Билл. Отчасти люди были этому даже рады. Тут стало значительно спокойнее, чем было раньше, в часы пик больше не было шумных пробок, а по узким тротуарам не толкались тысячи людей. Те не многие бизнес-центры, что были тут раньше, если не закрылись совсем, то превратились в магазины и даже в квартирные дома. Стоит отметить, что и любимый Макдоналдс Билла Груффера тоже некогда был одним из таких бизнес-центров. Раньше в нем суетились мужчины в пиджаках и галстуках, подписывая какие-то документы и принимая «важнейшие» решения, а молоденькие длинноногие девушки по утрам варили для своих боссов ароматный кофе, а к вечеру соблазняли их порванными колготками и расстегнутыми пуговками на блузах. В этом здании руками талантливых мужчин буквально творилось будущее города и ногами похотливых девиц рушились крепкие семьи. За-

то теперь тут ежедневно дают малышам воздушные шарики и скармливают сотням посетителей миллионы и миллионы калорий.

Зрачки Билла активно двигались во сне, а губы слегка причмокивали. Во сне он находился в том самом Макдоналдсе. Он стоял на кассе, долго выбирая тип бургера, который хотел бы сейчас съесть. Конечно, было бы отличным решением взять бургер с нежным ломтиком сыра, однако ведь есть еще Биг-Мак и много других вкуснейших вариантов. И вот так он стоял и думал, а перед ним была Энни, милая, нежная Энни. Она, улыбаясь, предлагала взять к бургеру колу или картошку фри. Ее черные волосы в этот раз не были собраны, а аккуратно свисали с плеч, прикрывая оголенную грудь. Из-за кассы ниже ее пояса Билл ничего не видел, но знал, что там она тоже без одежды и в этом сне оголенная официантка была нормальным явлением. Билл даже не рассматривал ее, а лишь думал над своим сложным выбором. Сперва казалось, что в помещении кроме них никого нет, но вот в нем начали появляться мужчины в строгих костюмах. Те самые мужчины, которые годы назад вершили в этом здании судьбу города. Билл не видел их лиц, да и не мог знать никого из них, но понимал, что это те самые люди, что работали тут 20, 30, 40... лет назад. Следом за мужчинами в помещении начали появляться их пошловатые секретарши и помощницы, и уже через мгновение холл фастфуда превратился в настоящий бордель. Отовсюду Билл слышал

ахи и вздохи, крики и возгласы. Стулья и столы взметались к потолку, а вместе с ними и десятки оголенных тел. Сделать свой выбор становилось все сложнее, Билл начинал щуриться в попытке сконцентрироваться на бургерах, но шум становился все громче, а Энни без умолку говорила о дополнительных напитках и картошке.

– Тишины, я прошу вас, дайте немного тишины, я не могу выбрать, – Билл почти шептал эти слова и, конечно, ничего не менялось.

– Прекратите! Прекратите и убирайтесь все прочь! – закричал он, оглядываясь по сторонам, но в помещении уже никого не было, воцарилась кромешная тишина.

Билл долго оглядывал пустой холл, ухоженный и чистый, словно и не бушевала тут секунду назад сумасшедшая оргия. Удовлетворившись тишиной, Билл повернулся к кассе за которой теперь стояла его жена. Марта держала в руках стакан с кофе и еще до того как Билл успел что-то понять, она плеснула кипяченой жидкостью в Билла. Жидкость попала на ногу и больно обожгла. Билл ойкнул и схватился за раненое бедро. Он уже не спал, а сидел на своей кровати, держась за место ушиба на ноге. Сна словно и не бывало, а вот синяк на ноге налился пурпурным цветом и жутко болел.

На цифровом индикаторе старого будильника красным цветом светилось «06:00». «Проспал почти сутки», – мелькнуло в голове у Билла. Самочувствие было значительно лучше вчерашнего, но вот только нога, она жутко ныла и Билл

даже засомневался в правильности принятого им решения отказаться от медицинской помощи. Кряхтя и пыхтя, Билл слез с кровати и направился в ванную. С легким скрипом кран умывальника провернулся и Билл плеснул себе в лицо несколько пригоршень воды, отметив про себя появившуюся щетину. Теперь все вокруг стало четче, а мысли немного трезвее. Билл потянулся к стакану с зубными щетками и только тогда, заметив, что щетка в стакане лишь одна, он вспомнил, что Марта ушла от него. На секунду его рука зависла в воздухе, а сам он словно превратился в экспонат музея мадам Тюссо, такой же бледный и недвижимый. За этот короткий миг в голове пронеслась сотня мыслей, тысяча вопросов как к Марте, так и к самому себе, и лишь один ответ – «неизбежно». Оковы времени спали с Билла и рука его уверенно взяла зубную щетку.

К своему удивлению Билл не чувствовал горечи утраты. Возможно, в глубине души, он верил, что это лишь очередная ссора и все наладится. Да, Марта еще не уходила с вещами до сих пор, но может это лишь часть театрального спектакля, которые она так любила устраивать.

Закончив утренний туалет, Билл сразу отправился на кухню. В животе урчало от голода. Он открыл кухонную дверь и лицо его исказилось в кривой гримасе. Вонь из кошачьего лотка заполонила собой все помещение.

– Что ж ты такое ела, Китти? – обратился Билл к кошке. Китти лишь скромно мяукнула, спрыгнула с кухонного

уголка, где, судя по всему, спала и начала тереться о ногу хозяина.

Зачастую в шесть утра люди смотрят самые яркие сны, а Билл в это время в желтых резиновых перчатках по локоть стоял возле раковины и со сморщенным лицом мыл кошачий лоток. Давным-давно он слышал от друга, что от мытья любой посуды можно получать удовольствие, если в процессе о чем-то задуматься. Билл задумался. Задумался о том, что его бросила жена, о том, что его сбила машина, коллега по работе подсунил ему наркотик, о том как он проблевался у парадной и, наконец, о том, что в кухне жутко воняет кошачьими экскрементами. «Да уж, сомнительное удовольствие от „мытья посуды“ получилось».

Телефонный звонок не ожидала, наверное, даже кошка. Она отскочила от ноги Билла и тихонько мяукнула. Впрочем, через секунду, она опять, блаженно мурлыча, вновь принялась тереться о ногу хозяина. В утренней тишине и без того громкий телефонный аппарат был подобен церковному звону. Билл как раз закончил тереть лоток Китти, кинул его на пол и, по привычке, толкнул ногой к окну от чего ушиб незамедлительно дал о себе знать. Билл ойкнул немного и похромал к аппарату.

– Слушаю, – с утренней хрипотцой произнес он.

– Але, друг мой, привет, почему не спишь? – прозвучало на другом конце провода.

– Кто это?

– Эм... Ты что?

– Майк, ты? – Билл явно не ждал звонка в принципе и уж от Майка тем более.

– Во-время ты исправился, – услышал Билл довольный голос Майка, – так это, чего не спишь-то? Утро раннее за окном. Просто я думал если уж не спишь, то наберу тебя, поговорим? Как там Марта? Все нормально?

– Ну..., – Билл не знал как ответить.

– Опять ссора? Пройдет. Она у тебя строптивая. Видать ей в жизни не хватает чего-то, – Майк сделал короткую паузу, а после рассмеялся, – ну ты понял? Не хватает чего-то! А-ха-ха, нет, ну понял как я тонко намекнул?

Конечно Билл все понял и ему от это совсем не было весело:

– Ну не знаю, Майк, может и хватает как раз, просто я не был в курсе, – последние слова Билл почти прошептал.

– Ого, Билли, что ж это такое твориться-то? Тебе рога наставили? Нет, ну вы посмотрите на этих женщин! – Майк даже не старался придать голосу какое-то сочувствие, он просто говорил, – но ты не отчаивайся, слушай, женщин много, а ты красавец...

– Что ты несешь, Майк? – не удержался Билл.

– Ну что ж ты, на любой товар покупатель есть, ну да ладно, что мы все о тебе и о тебе? Давай обо мне. Так спалось сегодня не очень. Все переживал по тому случаю с аварией, ну не с аварией вобщем-то, с тобой же хорошо все, значит

и волноваться не о чем. Тут скорее о том, что я тебе дал, ну ты помнишь, на пропускном пункте.

– Если ты волнуешься не сдал ли я тебя, то нет, не сдал, – на выдохе произнес Билл.

– Друг! – воскликнул Майк, – ты думаешь я в тебя не верю? Думаешь не доверяю тебе? О, как же ты ошибаешься. Ты, Билли, мой настоящий друг...

– Да мы ж не особо-то и общались...

– Брось, это не важно, это на уровне небес.

– Небес? – Билл улыбнулся, – с тобой там все нормально?

– Конечно, все ок. Просто интересно попробовал ли ты?

– Нет, Майк, мне это не нужно.

– Я к тебе приеду, – коротко сказал Майк и в трубке зазвучали короткие гудки.

Билл с удивлением посмотрел на трубку и положил ее на аппарат.

Глава 10

Майк бросил телефонную трубку на диван, где уже лежали музыкальные диски, пульт от кондиционера, рюкзак, подушка со свернутым одеялом, уют, который, к слову, уже не первый месяц как был поломан, пара мятых футболок, джинсов и Бог знает что еще.

На полу, возле дивана, было не лучше. Там тоже нашли свое пристанище какие-то футболки и свитера, гитара с двумя лопнувшими струнами, подарок из далеких студенческих

деньков. Майк любил ее. Сидя на диване на нее было очень удобно поставить банку пива или даже ноги.

Майк схватил первую попавшуюся футболку, напялил на себя и принялся выворачивать темно-синие джинсы одновременно засовывая ногу в штанину. «Нужно спешить, – думал он, – Билли нуждается в моей поддержке!». Поза в которой Майк оказался одевая джинсы оказалась не самой удобной. Его чуть качнуло, нога зацепилась за любимую гитару и Майк рухнул прямо на диван. Пару секунд он кряхтел, пытаясь выбраться из неудобной позы в которой оказался, а затем его рука потянулась к подушке, вытянула ее из-под одеяла и кое-как засунула под голову. Почти сразу Майк уснул.

Глава 11

Митчел Грант приоткрыл сонные глаза. В комнате было еще темно, но годы, прожитые в едином ритме, настроили биологический будильник так, что он безошибочно пробуждал хозяина в одно и то же утреннее время, в шесть часов утра. Будильник не дал сбоя и в этот раз, но серая мгла за окном словно уговаривала Митчела закрыть глаза и посмотреть еще пару приятных сновидений. Митчел с радостью поддался ей, ведь за окном воскресенье, на работу сегодня идти необходимости не было.

– Я хорошо потрудился на протяжении всей недели и заслуживаю хотя бы одного дня отдыха. Тем более за окном совсем уж тоска какая-то, – так подумал доктор Грант и гла-

за его стали закрываться.

Митчел перевернулся на другой бок в поисках более удобной позы и лицом уперся в копну волос, благоухающих ванилью с корицей. Он сделал глубокий вдох носом, чтобы наполнить свой мозг столь полюбившимся ароматом и рука его механически потянулась к обнаженному женскому бедру. Лицо его расплылось в довольной улыбке и он медленно промямлил: «Люююси...».

– Люси?! – глаза доктора Гранта были теперь открыты на столько, на сколько позволяли тяжелые веки.

Девушка встрепенулась от внезапного пробуждения:

– Митчел! Почему ты все еще тут? – вскрикнула она и соскочила с кровати.

– Бог мой, Люси, я не знаю, – затараторил Митчел, – жена убьет меня, если узнает. Старый дурак!

– Собирайся скорее и беги домой, – Люси бросила Митчелу его брюки и тот начал надевать их поверх уже натянутого нижнего белья.

– Где же они? Где, где, где? – бубнела молоденькая девушка то нагибаясь, чтоб заглянуть под кровать, то тряся одеяло с простыню.

Митчел поглядывал на суетящуюся обнаженную девушку. Сейчас его семейная жизнь очень рисковала рухнуть, но Люси была потрясающей. Молодое, упругое тело, не худое, как это нынче модно, а сочное, румяное, словно свежий пирожок с вишневым джемом. Русые кудри до плеч дополняли

ее образ девушки из сороковых годов. Она будоражила его сознание на работе и пробуждала искру молодости у себя дома, но они всегда были благоразумны и он, наврав жене, что задерживается по очередным делам, всегда возвращался на ночлег к мадам Грант, а любящая жена принимала его, уставшего кормильца, в заботливые объятия. Он любил и уважал свою жену, но устоять перед Люси не мог. Она полностью завладела его разумом и Митчел Грант был этому только рад.

– Что жене скажешь? – поинтересовалась Люси, заглядывая под подушку.

– Что уснул на работе.

– Ясно, – пробормотала Люси лихорадочно вертя головой.

– На комод.

– Что? – Люси свела брови в недопонимании.

– Трусики твои на комод, – повторил Митчел, заправляя мятую рубашку в брюки. Светло-синяя в темную тонкую полосу, подарок жены на прошлый день рождения. Тогда ему еще не было шестидесяти, а сейчас... сейчас Люси годится ему в дочери, да что уж там, в свои двадцать два она ему и во внучки годится. Каждый раз, уходя от Люси после очередной измены, в голове доктора Гранта разгоралась нешуточная война между совестью и самолюбием.

Люси крутнулась в пол оборота к комоду и, действительно, обнаружила на нем свое белье. Митчел уже был одет. Глянув на свое отражение в зеркале шкафа-купе Митчел по-

думал о том, что немного помят, но для долгой «трудовой» ночи это было нормально.

– Вызвать такси, Митчел? – поинтересовалась Люси, натягивая футболку.

– Нет, не хочу чтобы Клара поняла, что я спешил, проеду на автобусе.

– Хорошо. Дипломат не забудь.

– Точно! Спасибо, – Митчел уже было направился к выходу из однокомнатной квартиры Люси без своего дипломата.

Люси провела Митчела до двери, открыла замки, пока он обувался, подарила быстрый поцелуй на прощание и с издевкой шепнула: «До свидания, доктор Грант».

Митчел Грант вышел на улицу, обернулся посмотреть на окна третьего этажа, где жила Люси. Он делал так всегда и сам не знал зачем, возможно, надеялся, что Люси выглянет из окна и помашет ему рукой или отправит воздушный поцелуй. Люси никогда так не делала.

А еще Люси никогда не кормила его. Митчел задумывался об этом каждый раз как видел здание МакДоналдса, вход в который находился аккурат напротив парадной Люси, нужно было лишь перейти дорогу и пересечь парковочную площадку у фаст-фуда. Если бы он был открыт, то, возможно, он бы и зашел за каким-то бургером, но было еще слишком рано и светящаяся «М» в сером тумане лишь дразнила его. Митчел сглотнул слюну, в ответ желудок что-то недовольно пробормотал, и направился на автобусную остановку.

Глава 12

Кран в ванной комнате открылся с небольшим скрипом и из душа потекла горячая вода. Люси ловко сняла недавно одетые футболку с трусиками и переступила стенку старой чугунной ванны. Вода потекла по ее телу, вызвав у девушки кроткий вздох удовольствия. В рейтинге земных радостей душ для Люси числился где-то в верхушке списка. Она стояла и наслаждалась, лишь периодически меняя направление воды по телу легкими его изгибами. Вдоль ванны была натянута леска с множеством мелких колечек, надежно фиксирующих душевую шторку, но Люси никогда не пользовалась ею, ведь на двери висело ею самую повешенное зеркало почти в полный рост. Еще одной из земных радостей для Люси наблюдать в отражении свое тело. Конечно, она знала, что не обладала фигурой топ-моделей, но и толстушкой назвать ее было нельзя. У нее было все, что нравится большинству мужчин, большая грудь, округлые ягодицы, довольно милое лицо. Впрочем да, на обложку «Maksim» ее не позвали бы никогда, но это не мешало ей искренне любить свою внешность.

Вода продолжала ручейками стекать по нежной коже, пробуждая воспоминания о прошедшей ночи. «Как мы умудрились оба уснуть? – думала она, массируя себе шею, – ну ладно док вымотался бедняга, в его-то годы, но я-то почему вырубилась? Неужели доктор был так хорош в этот раз со своей

коллегой?» – Люси вслух рассмеялась этой мыслью. Она никогда не считала Митчела, хоть сколь бы то ни было, впечатляющим в делах постельных, но спала с ним регулярно. В больнице об этом, конечно, никто не знал. Они были весьма осторожны. Митчел дорожил семейными узами и Люси ничего против этого не имела, скорее даже наоборот. Она и сама мечтала обзавестись любящим мужем и прожить с ним всю жизнь в радости и в печали. Пока что подходящих кандидатов не находилось, а периодически отдаваясь главному врачу психиатрической лечебницы, она рассчитывала на быстрый карьерный рост, регулярные премии, да и на работу можно было порой опоздать, не боясь быть отруганной строгим начальником. Кто-то посчитал бы, что это дешево и бессмысленно. Плевать! Почему нет? Ей это не в тягость, а выгода, хоть какая, но есть.

Насладившись вдоволь душем и отражением своего тела, Люси выбралась из ванны, вытерлась большим полотенцем и нагишом направилась в спальню. До утреннего кофе стоило еще часок понежиться в постели.

Глава 13

Тихонько, словно не желая будить утренний город, каблук Энни цокали по тротуару. МакДоналдс, в котором она работала, открывался только в восемь, но она всегда шла туда пораньше, сильно пораньше.

Утро выдалось очень туманным и Энни нравилось это.

Она любила туман и чем он был плотнее, тем больше Энни радовалась ему. Влажная дымка скрывала людей, делая их силуэты размытыми, от чего те походили на одиноких призраков старой городской психиатрической лечебницы мимо которой Энни ежедневно проходила по пути на работу.

Больше тумана Энни любила только дождь. В хороший проливной дождь люди вообще не выходили из домов, от чего сердце девушки трепеталось в искреннем восторге. В такие моменты Энни бросала все дела и бежала на улицу, мокла насквозь, стоя на тротуаре, и наблюдала за людьми, которых дождь застал врасплох. Они, словно муравьи, колонию которых только что разрушили вздорные детишки, хаотично разбегались в попытках найти безопасное место и, через пару мгновений улицы практически полностью пустели. После таких дождливых дней Энни не раз подхватывала простуду, но, как ни странно, простуды ее не печалили. Она брала заслуженный больничный и сидела дома, одна.

Миловидная, улыбчива и такая добрая Энни в душе яростно ненавидела человечество в целом и каждого из людей в отдельности. Любой упакованный ею бургер передавался клиенту с коммерческой улыбкой, как того требовали постулаты МакДоналдса, и мысленными пожеланиями подавиться этим самым бургером. Каждую картофелину-фри, в маленькой, средней или большой упаковке, Энни яростно проклинала. Лишь крышки на фирменных стаканах не давали возможности продать клиенту вместе с напитком еще

и плевков. Конечно, в действительности она не сделала бы этого, но сама мысль грела Энни душу.

Приблизительно с такими мыслями Энни каждый раз ходила на работу, туда, где люди, которых она так ненавидит, сотнями подходили к ее кассе и с наигранной учтивостью говорили о еде.

– Свободная касса!

– Здравствуйте, БигМак, пожалуйста.

– Свободная касса!

– Привет. Чизбургер и среднюю колу.

– Свободная касса!

– Добрый день. Мне вот эти ваши кусочки курочек.

– Свободная касса!

Здрaсте... Привет... Добрый день... Чизбургер... Кола...
Здравствуйте... Свободная касса... Хэппи Мил... Добрый
день... Чизбургер... Биг Мак... Свободная касса... Свобод-
ная касса... Свободная касса...

Как же она ненавидела все это, каждую эту фразу, словно гвоздем нацарапанную прямо по ее мозгу.

Фотография лучшего работника месяца, на которой то и дело красовалась улыбчивая Энни, словно и не на колонне справа от стола раздачи висела, а была прибита толстенным гвоздем ко лбу несчастной девушки. И вот теперь эта фотография на вечно закрывает ее истинное лицо своей лживой улыбкой, а под фото несчастное дитя, покинувшее родительское гнездо в поисках себя, с целью взять от жизни все.

Полтора года на кассе фастфуда. Для кого-то это мог бы быть конец любым розовым мечтам и амбициозным целям, но не для Энни. Удивительным, даже для самой Энни, было то, что вопреки бесконечной ненависти к людям, она любила свою работу. Она верила, даже знала, что и тут можно достичь высот. Нужно лишь много и усердно работать, как учили ее родители. Да и оставаться в одинокой квартире для нее было невыносимым. Друзей за эти полтора года она так и не обрела, а те из коллег по работе, с кем можно было бы завести знакомство, быстро сменялись в бесконечной текучке корпоративного монстра и пропадали без следа.

Приходя в свою скудно обставленное жилье, с заедающим замком на двери (как же он раздражал ее), Энни словно проваливалась в толщи океанских вод, где нет просвета, нет звука, нет почвы под ногами, невесомое ничто, давящее со всех сторон миллионами тонн сухой воды. Хочется кричать от боли, от страха, а вырывается лишь гортанный стон и лицо омывается потоком слез. Лишь болезнь позволяла Энни оправданно сидеть дома. В дни когда температура подсакивала до 39—40 она страдала от болезни, а не от жалости к самой себе и от этой мысли ей становилось легче.

Глава 14

– Билли, открывай, это я! – донеслось из-за входной двери квартиры Уильяма Груффера.

Билл неспешно подошел к двери и отворил ее. В тамбуре,

улыбаясь канонической белоснежной улыбкой, стоял Майк. «Интересно, у всех черных такие белые зубы?», – подумал про себя Билл. Вездесущие рекламы едва ли не с показушной толерантностью забивали телевизионные экраны улыбающимися чернокожими людьми. Будь то реклама зубной пасты или дезодоранта, спортивной обуви или электромясорубки – всюду можно было наблюдать белоснежные зубы чернокожих актеров. Билл не был расистом и уважал равенство людей вне зависимости от их цвета кожи. В конце-концов его бабка по матери была на половину мексиканкой, а уж если какая-то нация и разбирается в давлении по национальной принадлежности, то это точно мексиканцы.

Такие мысли могли завести Билла еще глубже в вопросы политики, равноправия и национализма, но были грубо прерваны голосом Майка:

– Долго мне тут стоять? Пригласишь может?

– Да-да, прости, – Билл тряхнул головой, развевая остатки недавних мыслей, – заходи конечно, задумался немного.

– Ничего себе задумался, ты разве что бормотать не начал, – Майк вошел в квартиру и Билл тихонько закрыл за ним дверь, – вообще от мира сего оторвался. Неужели ты попробовал, ну ты понял, – Майк как-то глупо подмигнул, – ну понял?

– Майк, да прекрати ты, это не для меня и я не собираюсь глотать эту ерунду. И тебе настоятельно не советую.

– Слушай, а что у тебя в холодильнике есть? Я что-то го-

лоден прям с самого утра.

– Не поверишь, но ничего, – Бил соорудил угрюмую гри-
масу.

Майк, толи не действительно не поверив, то ли вообще
не слушая Билла, уже открывал холодильник, расположен-
ный в дальнем углу не больших размеров кухни.

– Билли, да у тебя тут мышь повесилась! – воскликнул
он, – вообще ничего!

– Ну а я тебе о чем...

– Ты б хоть в магазин ходил что ли. Знал же, что гости
будут.

– Гости? Ты что ли?

– Ты меня обидеть что ли хочешь? Я тут не просто так
залетный, а самый настоящий, гость. Регулярный при чем! –
Майк действительно периодически заходил к Биллу, но,
по мнению самого Билла, исключительно чтобы поесть.

– Ага, и из-за этого мы с Мартой тоже часто спорили, –
невнято пробормотал Билл.

– Что?

– Та ничего, забудь.

– Ладно, тогда чего дома сидеть, идем к твоей Энни, если
она на смене сегодня, пусть бургерами нас покормит что ли.

– Видимо других вариантов нет, идем, – согласился
Билл, – дай только минутку, собраться.

– Угу, давай, я в телик позалипаю пока. Может новости
какие-то...

Телевизор стоял тут же на кухне, Майк взял со стола пульт и нашел на нем кнопку включения.

– Новости? Серьезно? – из спальни громко спросил Билл, – не думал, что ты политикой интересуешься.

– Та ну, Билли, какие новости, там сейчас частенько крутят сюжет про козла и тигра, которые в зоопарке подружились. Такая милота.

– Не могут козел с тигром дружить, это противоестественно, – все так же из спальни донесся голос Билла.

– Ой, ну ладно тебе, я вот с тобой же дружу, а многие тоже могут это противоестественным назвать. Толстяк с семейными сложностями, проблемами ниже пояса, еще и холодильник пустой, – последние слова Майк почти прокричал, – а еще у тебя кошка вонючая. Тут, на кухне, просто ад какой-то. Слезы текут как вода из крана. А, кстати, из крана вода тоже течет.

– Не течет, а капает, я сантехника планирую вызвать, – парировал Билл.

– А ну ладно, ладно, – пробормотал в ответ Майк, – и посуды не мытой гора, как у меня почти.

Билл достал из шкафа черные брюки, аккуратно сложенные туда Мартой, сжимая зубы от боли в ноге, натянул их и огляделся в поисках ремня. Он у Билла был только один и находился на рваных, после встречи с бампером автомобиля, брюках. Сами же брюки «аккуратно» лежали тут же в комнате, у стены, где Билл их и оставил. Он поднял их

и принялся вытягивать ремень когда услышал тихий стук упавшей на пол злосчастной таблетки. Пару секунд Билл молча смотрел на нее, затем наклонился, кое-как поднял пухлыми пальцами и молча сунул в задний карман надетых уже брюк после чего принялся опоясывать себя ремнем.

Когда они вышли из подъезда, осеннее солнце было уже достаточно высоко в небе и только-только показалось из-за туч. Не закрытое хмурыми облаками оно походило на иллюстрацию детских трудов на школьной ярмарке, посвященной осенним урожаям. В свое время Билл активно участвовал в таких мероприятиях, не по своей, конечно, воле, а по требованию строгих учителей. Их класс всегда подготавливал самый красивый стенд, с тыквами, кукурузой, пшеничными поделками, караваями и пирогами. Все это выставлялось на расшитых скатертях и дополнялось бутафорным солнцем, торчащим на палке из-под стола. Солнце это каждый год рисовали по новой. Использовали плотный картон, смесь желтой и красной акварели, дорисовывали большие, добрые глаза и широкую улыбку. Таким и казалось сегодняшнее солнце Биллу, желто-красным добряком с большими глазами, наблюдающим за суетой мелких людишек.

Если физически Билл и чувствовал себя не очень, то в душе ему стало легче. Возможно, из-за нахлынувшей волны приятных детских воспоминаний, а, быть может, из-за Майка. Каким бы он ни был странным и «далеким» другом, но сегодня он был рядом и его пустая болтовня заставляла отвле-

каться от тягостных мыслей.

Конечно, воскресный день организовал к кассам МакДоналдса огромные очереди. Майк сразу встал в ближайшую и только потом заметил глаза своего спутника. Билл, словно застыв на месте, искал кассу за которой работала Энни и, найдя ее, сразу отправился к соответствующей очереди. Майк вздохнул и поплелся за другом.

– Ты б ее хоть пригласил уже куда-то, – буркнул он, вставая в очереди возле Билла.

– Ты что?! У меня жена!

– Ой да ладно тебе, – парировал Майк, – нет у тебя жены, закарючка в паспорте только.

– И то верно, – посупился Билл.

– Вот и говорю, пригласи Энни, хоть пообщаешься с ней.

– Та она откажет.

– С чего бы этого?

– Ну она хорошенькая, у нее точно есть кто-то, – было видно, что Билл очень хотел бы пообщаться с ней где-то за пределами стен ее работы.

– Та нет у нее никого, – отрезал Майк.

– Ну ты, как ты знать-то можешь это, – вспыхнул Билл, – не говори глупостей.

– Дружище, посмотри на стену.

– Какую к чертям стену?

– Ну вот же, Билли, – Майк указал на фотографию лучшего сотрудника месяца.

– И что?

– Та она задрот и отщепенец, только то и делает, что впахивает тут. Уверен, что у нее ни то, что никого нет, но и друзей не особо. Так что предложению такого «симпотяги» она будет несказанно рада. Это я тебе точно говорю.

– Ты такой придурок, Майк.

– Где-то я это слышал уже, – Майк сделал нарочито задумчивый вид, – а, родители мои так говорили, и учителя школьные. Точно! Иногда и доктор Грант так говорит, но что это меняет? Я все равно прав.

– Очень сомневаюсь.

– Ты не можешь этого знать пока не спросишь. Просто спроси. Хуже не будет.

– Ну, вроде бы да...

– Разве что совсем разговаривать с тобой перестанет, но тебе ж не привыкать к этому.

– Ты думаешь? – засомневался Билл.

– Та не перестанет, шучу же я, – Майк громко рассмеялся.

– Ну ладно...

– Как она может перестать общаться, если это в ее обязанности входит? Ну ты понял? «Вам с сырно-чесночным или кетчупом», «Колу большую или маленькую?», – Майк опять рассмеялся.

– Придурок ты все таки.

Майк не унимался, а Билл в ответ лишь бубнел невнятные оскорбления о поведении и воспитании своего чернокожего

коллеги.

– Уильям! Ты тут? – голос Энни вырвал Билла из объятий сквернословных размышлений, – что с тобой? Тебе как обычно?

Билл даже не заметил как очередь подошла к нему и ответ не сразу удалось сформировать:

– Да, я просто тут... Мы говорили, а потом... Я не увидел как очередь, ну то есть я просто стоял, а он... Ну это мой коллега...

– Друг, – поправил Майк с улыбкой, – меня Майк зовут. Энни учтиво улыбнулась Майку, стоящему чуть за спиной Билла и вновь перевела взгляд на нерасторопного клиента:

– Привет, Уильям. Так тебе как обычно?

– Ой, прости, ну да. То есть привет, ну в смысле как обычно, да. Прости.

– Странный ты сегодня, – наигранно нахмурила брови Энни, – а другу твоему тоже, что и тебе?

– Кому? Ааа, ну да, давай то же.

– Эй, – оборвал Майк, – какой «то же», что б я потом как ты двери в квартире расширять? Мне БигМак один, картошку-фри и кофе. Тошнит небось от этих однообразных слов? – улыбнулся Майк.

– Если честно, то очень даже тошнит, – неожиданно даже для самой себя ответила Энни и, тут же поняв, что сказала глупость, поспешила исправиться, натянув искусственную улыбку – шучу конечно.

– Ой, да ты забавная, – Майку ответ Энни явно пришелся по душе, – начинаю понимать, почему Билли на тебя запал.

– Майк! – возмутился Билл, – может помолчишь?

Майк не унимался:

– Он все хочет на свидание позвать тебя и не решиться никак.

– Та не на свидание, а так, просто, – замялся Билл. На лице его начал проступать стыдливый румянец.

Корпоративные правила запрещали Энни подобные разговоры с клиентами, но сегодня она пришла на работу с таким паскудным настроением, что позволила себе проигнорировать законы компании и понаблюдать за происходящим. Все-таки не так часто в ее жизни случались такие забавные случаи.

– Впрочем он мне говорит, что она вся такая и такая, – Майк перешел на жестикуляции, а лицо Билла совсем стало красным от стыда.

– Может хватит уже, – попытался он остановить Майка.

– И вот только она его понять может. Вся хорошая такая, невинная...

Энни выложила на разнос заказ обоих гостей и продолжила наслаждаться неловким моментом.

– Не слушай его, – промямлил Билл, – я просто хотел... а он...

– Ребята, честно, – оборвала Энни, – вы очень забавные и все такое, но у меня рабочий процесс. Вот ваш заказ, да-

вайте карту, проведу оплату.

– А, да, – засуетился Билл, вытягивая карту из бумажника и передавая ее Энни

– Он платит за меня, – добавил Майк. Билл лишь взглянул на коллегу, но ничего не сказал. Конечно, он не рассчитывал, что Энни пойдет с ним куда-то. Это было совсем не правдоподобно. Да и не так этот разговор должен был пройти. А если бы и не «помощь» Майка, то вряд ли по другому все прошло. Может сам бы он никогда и не осмелился ей предложить встречу. Пусть Майк не был образцом деликатности, но, по крайней мере, его язык не был засунут так глубоко в задницу, как его собственный. Так что и на том ему «спасибо».

– Держи карточку, Уильям, – Энни протянула карту и чек, – я до шести сегодня.

– Спасибо, Энни. Что? – встрепенулся Билл.

– До шести я сегодня, подходи, прогуляемся, – Энни улыбнулась. Возможно, в любой другой день она бы ни на секунду не задумалась бы перед отказом, но сейчас было иначе. Утренний туман и в целом депрессивное настроение подталкивало ее избегать одиночества. Сегодня, зачастую, она улыбалась людям искренне, пытаясь подхватить от них хоть капельку взаимного тепла и света чтоб развеять внутренний туман, просочившийся в нее утром.

– Я с вами! – улыбаясь, вставил Майк.

Глава 15

Разум очнулся словно в приступе ночного кошмара, заставляя широко открыть глаза и схватить «последний» глоток воздуха. Однако тьма, секунду назад царившая вокруг, не исчезла после открытия глаз и попытка вдохнуть воздуха тоже не увенчалась успехом – в легкие ударила вязкая жижа и организм тут же переключился из состояния тревоги в паническое. Чак трепыхался, махал руками и ногами, не чувствуя никакой опоры, не понимая даже где верх, а где низ. Волею случая рука нащупала твердую почву и Чак мгновенно ухватился за нее. Тело не просило от мозга команд, мозгу сейчас было не до того, оно самостоятельно принимало решение и тащило Чака из трясины к появившейся надежде. Несколько щелчков секундной стрелки на левой руке Чака растянулись в его сознании на мучительные часы и он не осознавал даже, что уже выбрался из своей жидкой могилы, что зрение вновь вернулось к нему, лишь желание насытить легкие кислородом было единственным чего он сейчас хотел. Легкие болели, горели огнем, пытаясь оторгнуть чужеродное вещество, а руки, хаотично метались по мокрой груди, путаясь в плаще и рубахе. Чак хотел разорвать одежду, разодрать кожу, сделать что угодно, но дать своим легким хоть немного воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.